

*Алевтина**Цветкова**кандидат филологических наук**г. Павлодар*

«ЖИВЫЕ» И «МЕРТВЫЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

(ПО ЗАПИСЯМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЛЕГЕНД)

Для традиционной народной культуры во все времена были характерны устойчивые представления о бинарной структуре мира, при этом «свое и чужое составляли единое целое – мир в котором существовал человек» [1, 4]. В соответствии с этим «чужое начинается там, где кончается свое» [1, 9]. Осознавая близость чужого мира к миру живых, человек выстраивал ритуальное поведение, целью которого было укрепление границ, а также защита своего от посягательств чужого.

Постоянная связь с иным миром приписывалась прежде всего кладбищам или местам, связанным со смертью. В народных представлениях «кладбище – это не только место погребения усопших. Это место пребывания душ умерших, их дом» [2, 113]. В сельской традиции кладбище по сей день «противопоставляется деревне как часть мифологизированного пространства, то есть как мир мертвых миру живых. Оно располагается обычно недалеко от деревни, в лесу или за рекой» [2, 113].

В результате советской градостроительной политики традиционное деление городского пространства на «свое» и «чужое» разрушается и заменяется мифологизированными святыми и страшными местами. К страшным или «нехорошим» местам, как правило, относят районы, построенные на месте кладбищ или находящиеся рядом с ними.

Термин «городская легенда» достаточно укрепился в сознании современного общества, однако даже в специальных исследованиях они не получили однозначного научного определения [3, 4]. По утверждению Е.В. Смирновой, «городская легенда – это жанр фольклора, который передается путем устной коммуникации или через Интернет; это непременно смешной, страшный, необъяснимый случай, претендующий на достоверность» [4, 114]. Далее исследователь называет такие признаки жанра, как «сюжеты, которые объединяет удивляющий или даже шокирующий эмоциональный эффект, структура текстов, особенности развития повествования, мотивы (например, кладбища самоубийц, страха, появление призрака, суицида, исчезновения людей, животных – в зависимости от сюжета

и темы городской легенды) и многое другое» [4, 114]. Думается, это достаточно размытая характеристика, которая может быть применима и к другим жанрам повествовательного фольклора. Нам видится целесообразным понимать городские легенды как наджанровое образование, объединяющее тексты самой разной жанровой природы. Их общими признаками являются мистический характер содержания, связь с городским пространством и эксплицитно или имплицитно выраженное назидание.

Автором статьи в 2007 году были записаны интересные легенды, связанные с кладбищами, расположенными на окраинах Павлодара от жителя города В.В. Тренькова (1938 – 2008). Непосредственно на территории Павлодара находятся три кладбища: два из них закрыты для захоронений и расположены практически внутри жилых кварталов; третье, функционирующее с начала XIX века, было закрыто в 1935 году, а уже в 1938 году на его месте начали возводить городской парк культуры и отдыха, называемый в народе «горсад». Подобное вторжение «живых» в мир «мертвых» вызвало массу городских легенд, активно бытующих по сей день. Поскольку В.В. Треньков долгое время был директором парка, устные рассказы, записанные от него, циклизуются вокруг хорошо знакомого рассказчиком локуса и представляют собой своеобразную мистическую историю «плохого» места, выстроенную в процессе знакомства слушателей с его достопримечательностями. Мистическим рассказам предшествует предание об истории кладбища: *«Ты же знаешь, наверно, на том месте, где сейчас горсад стоит, там было кладбище, большое кладбище было, самое большое на то время от Семипалатинска до Тобольска. Это кладбище считалось элитным, там хоронили русских купцов, из Сибири которые здесь были. Они, считай, отцы города. Могилы были богатые, памятники огромные, по несколько тонн весили, из мрамора же были!»* Этот эпизод исторического предания реализует в себе такие типичные черты жанра, как превосходство исторического времени, гиперболизация положительных черт прошлого: кладбище – самое большое, могилы – только знатных людей, элитные, богатые, памятники – огромные, тяжёлые. Гиперболизация качеств места связана с людьми, похороненными здесь – «отцами города». По утверждению И.А. Разумовой, «в характеристиках прародителей, прежде всего, утверждается их исключительность по сравнению с «обычными» людьми» [5, 229]. Это свойство распространяется на всё, непосредственно связанное с предками.

Далее в рассказе мотив величия предков сменяется мотивом попытки низвержения их памятников потомками, который включён в исторический контекст: *«Потом, когда после войны там решили сделать парк культуры и отдыха, стали равнять это кладбище. Указ сверху был: ликвидировать памятники. Какие могли, такие вытаскивали из земли и потом использовали на строительство, в фундамент могли положить или ещё куда-нибудь. А некоторые постаменты просто не могли сдвинуть с места, ты представляешь, какие тяжёлые были! Их тогда просто валили канатами на землю и закапывали, в ямку сваливали и землёй засыпали. Потом бульдозер ездил по земле и всё равнял. Потом всё деревьями засадили, всё зазеленело, сам видишь, стало как сейчас».* Тема борьбы поколений, идея забвения прошлого, в том числе людей, похороненных здесь, явно прослеживаемая в тексте, завершается мотивом необоримости силы предков (могильные плиты не смогли увезти). Типичное историческое предание о разорении советской властью сакрального места в фольклорной памяти информанта

становится ядром цикла городских легенд разной жанровой природы, причём преимущественно мистического звучания, что объясняется чертами мировоззрения самого информанта. Для В. В. Тренькова, православного христианина, было немислимым грехом подобное надругательство над святым местом.

Через одно событие (разорение кладбища) в одном временном срезе в памяти информанта оказываются связанными разные места. Следы разорения обнаруживаются и в других локусах города: *«Я вот сказал же тебе, что плиты с кладбища увозили на постройку другую, их прямо складывали в грузовик и отвозили. Вот знаешь где станция скорой помощи, там где первая психбольница в городе была, там теперь частный дом, люди живут, но я не представляю, как там жить можно... Вот там, эта станция скорой помощи, она на надгробиях стоит. Здесь в фундамент положили 40 надгробий с того кладбища, прямо в ряд одно к одному складывали и потом на этом фундаменте дальше строили здание».*

Мотив надругательства над святыней (использование вывезенного с кладбища в строительстве) легко прочитывается в контексте всего цикла. Примечательно, что в рассказе идет речь о пограничных для современного человека местах (станция скорой помощи, психбольница). Между строк прочитывается немой вопрос информанта: как может нормально функционировать место, предназначенное для возвращения людей к жизни, если оно, по сути, «стоит на костях» (надгробие воспринимается как часть могилы, причем её важнейшая, информативная часть). С одной стороны, объекты объединяет пространственная близость, с другой, подчеркивается несоответствие исторического содержания места и его нынешнего использования, что расценивается информантом как вопиющее отклонение от традиционной нормы.

События, связанные с мистическим местом, имеют для рассказчика большое значение и вспоминаются в деталях: *«Как-то ремонт делали в парке, фонтан чинили, трубы в нём меняли, знаешь тот фонтан, который так и не работает, который рядом со сценой. Вот когда его стали раскапывать, там метр-полметра копнули – а там кости, человеческие кости, прям вперемешку. Аж работа остановилась, парни стоят перепуганные, удивлённые, такой суеверный страх. Меня спрашивают, мол, что теперь с ними делать? Я хотел перезахоронить кости, чтобы всё по-человечески было, нормально. Прораб пришёл, мол, почему работа встала? А тут такое, останки человеческие! Он посмотрел – и махнул рукой, мол, что с ними делать? Закапывайте назад. Закопали. Починка потом остановилась, была причина какая-то. Так этот фонтан и не работает до сих пор, и не будет уже. Это мёртвый фонтан. Да и сейчас, если в горсаде где копнуть, неглубоко копнуть, то кости попадают, до сих пор, если где-то ремонт идёт, находят ещё кости, черепа находят».* Эпизод с раскопанными костями продолжает сюжетную линию осквернённого кладбища. Именно тем, что усопшие были потревожены, информант объясняет нерабочее состояние объекта. Сооружение, где раскопали могилы, становится своеобразной точкой омертвелости, где ничто не может функционировать. Фонтан, который является символом радости, силы, энергии, быющей ключом жизни, оказываются словно заблокированным вторжением людей в мир мёртвых.

Мотив осквернённого кладбища, воплощающий идею о несоответствии предназначения места и его использования, сменяется мотивом наказания за вероломное вторжение живых в мир мертвых: *«Это плохо, что на месте кладбища, где*

скорбеть положено, где люди о душе думают обычно, о смерти, что тут парк развлечений построили. С покойниками шутки плохи, они не любят, если их не уважают, тем более, если их тревожат. Они могут забрать к себе за это. И в горсаде поэтому беды случаются. Ты знаешь сколько людей там погибло, сколько покалечилось? Да, и такое бывает. Я сколько был директором горсада, всякое случилось тут, много бед». Как подтверждение этим рассуждениям приводится ряд рассказов о мести покойных: «Вот например, карусель, цепочка которая Она же кровью облитая! С неё сколько раз люди срывались, и даже насмерть разбивались, я помню, да. Да и просто цепи срывались и люди калечились. Это покойники, которые уснули здесь под землёй, недовольны, что им мешают. Они мстят. Или вот ещё пожары бывают. Я сколько раз, когда оставался помочь дежурить, видел ночью, что земля горит. Просто вот в одном месте горит, просто так, без причины. И сцена старая горела. На моей памяти она 5 раз горела. Я каждый раз её отстраивал заново, но пожар опять разрушал всё. Я потом понял, что бесполезно это, они не позволяют, чтобы тут кто-то пел и плясал. Видимо, кто-то там захоронен важный. Причём пожар каждый раз по непонятным причинам. Ну неоткуда было ему взяться, экспертиза ничего не объясняла после пожара, нет причины возгорания. А я причину знал сам – покойники недовольны».

Обращает на себя внимание то, что местом сосуществования живых и мертвых является сад. Сад имеет глубокое символическое значение в мировой культуре и широкое поле для его толкования. Сад как возделанная человеком земля, искусственный микрокосм, символ гармонии и жизни, в данном случае так же, как и упомянутый выше фонтан, оказывается, обезжизненным, искривлённым. Сад, где на глубину штыка лопаты – человеческие кости и где гибнут люди, становится садом наоборот, микромиром, вывернутым наизнанку. Информант лаконично объясняет это для себя и для собирателя: «А причину знал сам – покойники недовольны».

Порой, покойники могут проявлять своё недовольство открыто, что отражается в быличках о столкновении с призраками: «Я не знаю, поверишь ты или нет. Если ты боишься таких вещей, я тебе рассказывать не буду. Не боишься? Ладно. Я на ночь остался помочь девушке дежурить. Время не позднее было, часов 10-11, может, чуть позже немного. Слышу вдруг – шум где-то, прислушался – дерутся, бьют кого-то. Я туда на звук побежал и издали такое вижу. Мужик по земле катается, пополам сложился, а его пинают... они. Силуэты человеческие, в полный рост силуэты, только словно из электричества, как сгустки энергии, и светятся синим. Я это успел заметить буквально на секунду. Подбегаю – никого, мужик лежит, стонет. Оказалось, это бомж пьяный. На ночь устроился под деревьями, уснул вроде, а проснулся, говорит, от боли, что пнули в живот. Не помнит ничего, кто были, какие лица. Ничего». Здесь выявляется типичная структура мифологического сюжета: нарушение запрета (посещение кладбища ночью) – наказание. Примечательно, что мифические персонажи ведут себя агрессивно, взаимодействуя с человеком напрямую и крайне активно.

Призрак может проявлять себя и пассивно, не вступая в контакт с человеком: «Ещё случай помню, тоже ночь была, когда в другой раз дежурил с кем-то. Слышу, темно уже, что кто-то плачет. Женщина какая-то тихо так плачет, всхлипывает. Там же, недалеко, где я бомжа побитого нашёл. Пошёл туда. Иду

на звук, слышу, что где-то рядом женщина плачет, горько так, тихо плачет. Вроде подошёл уже – никого, и тихо. <...> Вернулся – опять слышу: плачет женщина в той стороне. Я бегом туда – нет никого, плачет рядом. Я несколько раз кругами обошёл, никого нет, и снова тихо. Я вернулся на пост и уже не ходил туда. Душа не успокоилась какая-то, тут так не поможешь».

Рассказчик убедительно объясняет причину происходящего: душа не упокоилась, душа мается. Так, уничтоженное кладбище оказывается не только местом опасности и трагических событий для живых, но и местом страдания для мёртвых, которые могут проявлять свой протест открыто и агрессивно, а могут просто показываться, не вступая в контакт с человеком. Информант воспринимает описываемые им события как сам собой разумеющийся итог неправильного поведения людей: «Оно и неудивительно, что покойники недовольны. О них же никакой памяти не было там, словно и не хоронили никого» <...> А я знал просто, что с мёртвыми шутки плохи, и своё делал, дань уважения и памяти усопшим отдавал».

В том случае, когда усопшим «отдается дань уважения и памяти», совершаются необходимые ритуалы, сосуществование живых и мертвых, с точки зрения рассказчика, вполне допустимо: «Это же кладбище, что тут было, что сейчас под асфальтом закатано, оно намного больше было, чем сейчас горсад, его территория. Оно под горсадом расползается дальше, часть под молокозаводом, часть под соседними частными домами, ещё часть под дорогой. Случай был, мне хозяин дома сам рассказал. Дом он не сам строил, купил, а потом решил погреб выкопать на кухне. Доски с пола снял, давай копать. Тут бац – другие доски, гнилые. Оказалось, гробы раскопал. На могиле дом стоял, гробы раскопали. Ну открыли гробы, посмотрели, кто там. А это оказалась семья священника, батюшка и матушка, так немного поодаль друг от друга. В разных могилах похоронили, но рядом. А они как поняли, что это священники? Ну, там остатки одеяния священнического были, видно было, что ряса. А в гробу одном, наверно, это у батюшки, крест серебряный, огромный такой крест на груди. Что сделал? А что сделал, жить-то в доме дальше надо, что, не съезжать же теперь. Заложил их кирпичом, стены все в погребке обложил кирпичом, и всё. Говорит, не тревожат. Он их не тревожит, и они его не тревожат. И мёртвые с живыми живут... Тут всё на костях стоит, везде кто-то спит». В данном устном нарративе говорится о том, что могилы находятся под жилым домом, а не под местом увеселения, а значит – не оскверняются. Покойник оказывается священником, а значит не может вредить живым. Необходимо также заметить, что мотив обнаружения захоронения священника достаточно устойчив в устной прозе [6, с. 553]. Герой совершает ритуал, поскольку обкладка гробов кирпичом может расцениваться как перезахоронение. Слова информанта «и мёртвые с живыми живут», произнесённые спокойным тоном с философской интонацией, наталкивают на мысли о возможности такого соседства в его картине мира.

Соседство живых с мёртвыми как вынужденная необходимость, продиктованная ошибками прошлого, возможно, но нежелательно, на что указывает быличка, связанная с другим городским кладбищем – Пахомовским, находящимся во дворах жилых многоэтажных домов: «Вот, например, Пахомовское кладбище, знаешь же, там вокруг многоэтажки стоят полукольцом. Этот район так и называется – «Живые и мёртвые». У меня там мама живёт, одна живёт в квартире.

Приехал к ней как-то, а она мне рассказывает. Ночью допоздна вчера сидела на кухне, не спалось. Вышла на минутку, захожу потом – за столом сидят два человека, разговаривают, мужчина и женщина. Она говорит, не испугалась, не закричала, просто не поняла, не успела понять. А они просто говорили между собой, потом сразу встали и ушли через стену. Просто насквозь через стену прошли и всё. Мать мне это рассказывает, а я сам думаю так грустно, что наверно мама уже совсем старенькая стала, голова подводит, потихоньку крыша едет у старушки, она же у меня старенькая совсем, ей за 90 уже. А потом подумал: тут же рядом Пахомовское. И всё понятно стало. Оно и не удивительно, что мать такое увидела: усопшие рядом».

Заметим, что в городских легендах свое и чужое пространственно не разделяются, мертвые и живые сосуществуют в одном локусе. Единственной границей между ними оказывается время суток: как правило, живые действуют в общем пространстве днем, а мертвые – ночью.

Таким образом, в устных рассказах о вынужденном сосуществовании живых и мертвых в городском пространстве выражается нравоучительная мысль о том, что память и соблюдение норм ритуального поведения – это единственная и необходимая дань усопшим, единственно возможное средство противостояния негативному влиянию некогда осквернённого места. Проанализированный цикл городских легенд призван спасти от забвения историю места и передаётся не столько с целью предупредить об опасности, сколько с целью предотвратить её раз и навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л., 1990. – С. 4 – 16.
2. Добровольская В.Е. Кладбище как место встречи живых и мертвых: правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // *Slovene*, 2013. – № 1. – С. 112 – 122.
3. Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник (Историческая память и образ города). Автореф. к.ист. н. – М., 2008.
4. Смирнова Е.В. Устойчивые мотивы сюжета «гепатогенная зона» // *Вестник Челябинского университета*. 2010. № 21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 45. – С. 114 – 119.
5. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001.
6. Разумова И.А. Несказочная проза провинциального города // *Современный городской фольклор*. – М, 2003. – С. 544 – 559.

